

Российская
национальная
библиотека

**Историко-
Библиографические
Исследования**

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

Вып. 2

У ИСТОКОВ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

После падения николаевского режима в русском обществе возродился острый интерес к жизни и личности А.С.Пушкина как выразителя дум и стремлений мыслящей России. Значение Пушкина-художника было еще в 1840-х гг. разъяснено статьями В.Г.Белинского. Сложнее обстояло дело с изучением мировоззрения поэта, его общественной позиции, в особенности после декабрьского периода. Выход в свет сочинений великого поэта под редакцией П.В.Анненкова и в особенности книги последнего "Материалы для биографии А.С.Пушкина" (1855) явился поводом для оживленной полемики, которая разгорелась между сторонниками "пушкинского" и "гоголевского" направлений. В условиях общественного подъема, наступившего в середине 1850-х гг., спор о Пушкине далеко перерастал рамки собственно пушкиноведения. Речь шла об общественном значении литературы, о роли художника как гражданина, о коллизии "поэт и власть". Вместе с тем и для собственно пушкиноведения в эти годы было сделано очень много: как в плане постановки важнейших проблем жизни и творчества поэта, так и в области новых находок и публикаций ценных текстов, не входивших не только в неудачное первое посмертное, но и в анненковское издание, куда более полное и удовлетворительное в текстологическом отношении. Часть этих текстов была тогда же опубликована в России, часть - в Вольной русской печати за рубежом.

Советское литературоведение с достаточной отчетливостью вскрыло подоплеку споров вокруг "пушкинского" и "гоголевского" направлений в русской критике. Этой теме посвящены десятки работ, поэтому останавливаться здесь на данном вопросе нет ни необходимости, ни возможности. В работах последних десятилетий, кроме того, были отмечены ошибки не только эстетической (что бывало ранее), но и революционно-демократической критики в оценке Пушкина как человека, поэта и гражданина.

"В методологии революционных демократов, - писал в одной из своих блестящих работ Б.Ф.Егоров, - сложно сочетались понимание исторической обусловленности явлений и метафизическая нормативность, т.е. подход к событиям прошлого с мерами, нормами настоящего. Иногда такой "антиисторизм" объясняется ограниченностью мировоззрения мыслителя, иногда - тактическими целями <...>

По отношению к Пушкину у революционных демократов 1860-х годов в основном проявлялась "мировоззренческая", а не тактическая, нормативность. В страстном желании видеть в художнике служителя передовым общественным идеалам, выразителя народных чаяний, они и при оценке литературных явлений прошлого допускали антиисторическую нормативность. Подобная участь постигла и пушкинское наследие"¹.

Удивительно как критики "Современника", считавшие себя учениками и продолжателями дела Белинского, необычайно быстро забыли его оценку Пушкина, которого он считал не только "великим реформатором русской литературы", но и "мирообъемлющим гением"².

Справедливости ради следует сказать, что не только сторонники "гоголевского" направления, так жестоко ошибавшиеся в оценке Пушкина, но и адепты "пушкинского направления", обожествлявшие поэта (П.В.Анненков, С.С.Дудышкин, А.В.Дружинин, В.П.Боткин и др.), не в состоянии были понять всю глубину и общественную содержательность его творчества. Представляя гоголевское направление как исключительно сатирическое и обличительное, а пушкинское как чисто художественное, далекое от общественных вопросов, критика 1850-60-х гг. (причем критика всех направлений) совершала серьезную ошибку, которая имела весьма далеко идущие последствия. Вопрос о мастерстве художника изолировался от вопроса о содержании его творчества, а это давало простор любым вульгаризаторским построениям, эхо которых не утихло полностью и до сих пор. Известная формула Н.А.Некрасова "Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан", при всей своей внешней привлекательности, в сущности, была мимо цели, ибо если она была адресована художнику слова, то он как раз "обязан" быть поэтом, если же она адресована общественному деятелю, то вопрос о поэте вообще оказывался излишним.

В полемику вокруг Пушкина включились также А.И.Герцен и Н.П.Огарев. Их оценка творчества и общественной позиции поэта весьма близка к современной. Герцен первый связал личность Пушкина с передовыми идеями его эпохи, расценив его роль как певца декабризма. Он писал,

¹ Егоров Б.Ф. О некоторых особенностях высказываний Добролюбова о Пушкине // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С.74.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т.4. С.555.

что в эпоху безвременья, наступившую после разгрома восстания декабристов, "... одна только широкая и звонкая песнь Пушкина" напоминала о прежних свободолюбивых мечтах лучших людей александровской эпохи. В творчестве национального гения России Герцен видел залог неумирающей преемственности между людьми Декабря и последующим этапом освободительного движения. Естественно, что при таком отношении к Пушкину Герцен и Огарев с возмущением встретили статьи критиков "Современника", в которых поэт обвинялся в смешном аристократизме, непонимании запросов своего времени, в которых такие шедевры лирики, как "Я вас любил...", назывались "альбомными побрякушками" (Н.А. Добролюбов), а сам Пушкин обвинялся в измене свободолюбивым идеалам молодости.

С развернутой и страстной критикой подобных мнений выступил Огарев в замечательной работе, предпосланной сборнику "Русская потаенная литература" (Лондон, 1861): "Мы не берем на себя наглости, - писал он, - как теперь в нашей литературе вошло в привычку, хватать по заветным личностям с плеча грязною ладонью; эта бесцеремонность показывает в драчуне гораздо больше желания заявить существование своей маленькой ничтожности, сказать - что вот и я-де великий человек и я что-нибудь да значу, потому что ругаюсь (*je péte, done Yvesins*), - чем действительного, добросовестного чувства истины ... Мы не обвиняем Пушкина в преднамеренной измене свободным убеждениям, то есть в подлости, не только потому, что не любим обращаться небрежно с великими явлениями русской и вообще человеческой жизни, но и потому, что преднамеренной измены с его стороны не было. Чувство свободы не замолкало в нем и переходило в уныние, в сознание бессилия; под этим настроением явилось стихотворение "Сеятель"... удушливое давление николаевского царствования не могло не отразиться на впечатлительном уме свободомыслящего поэта", и далее: "До сих пор пушкинская форма и пушкинский язык, настроение мысли и чувства - у нас живы и не заменились новыми формами, и Пушкин остается родоначальником и высшим представителем русской литературы XIX столетия, сколько бы критика "в детской резвости ни колебала его треножник"»³.

³ Огарев Н.П. Избр. произведения: В 2 т. М., 1956. Т.2. С.453, 480.

Концепцию Герцена и Огарева полностью разделяли их сторонники в России, та молодая поросль, которая уже после эмиграции Герцена вошла в кружок Кетчера-Пикулина и позднее сгруппировалась вокруг замечательного журнала "Библиографические записки"⁴. Среди этих людей, внесших еще недостаточно оцененный вклад в изучение и публикацию пушкинских материалов, в первую очередь следует назвать Е.И. Якушкина, П.А. Ефремова и А.Н. Афанасьева. Все трое - убежденные "герценовцы" и выдающиеся пушкинисты. В "Библиографических записках" за три года их нелегкого существования (постоянные цензурные преследования) было опубликовано более 50 всевозможных пушкинских материалов - новых текстов, уточнений, заметок, библиографических указателей. Напомню, что в то время библиография находилась в нерасторжимом альянсе с текстологией, а подчас отождествлялась и с критикой. Таким образом, в число библиографических включались и труды, которые ныне пошли бы "по ведомству" текстологии или истории литературы. Прерогативой библиографа были также подготовка к изданию и редактирование сочинений отечественных авторов и публикаторская деятельность. Надо помнить о том, что результаты всех этих работ явились основой для создания крупных библиографических указателей, которыми так богаты 50-70-е гг. прошлого столетия. Современный историк библиографии, изучая это время, должен считаться с субъективным сознанием эпохи, столь расширительно трактовавшей слово "библиография", ибо это происходило не столько от неразвитости ее теории, сколько от фактического положения вещей: все ведущие деятели библиографии того времени (за исключением В.И. Межова) занимались всеми названными видами научной работы.

Современные исследователи единодушны в том, что для пушкиноведения 50-70-е гг. XIX в. явились первым этапом серьезного изучения творческого наследия Пушкина, началом собирания, изучения и публикации биографических материалов и документов о нем. "Целый период изучения Пушкина, обнимающий 50-70-е годы, - пишет известный пушкинист Я.Л. Левкович, - может быть, назван библиографическим"⁵. Вполне

⁴ О "Библиографических записках" см.: Равич Л.М. А.Н. Афанасьев и журнал "Библиографические записки" // Сов. библиогр. 1971. № 6. С.45-60.

⁵ Пушкин: Итоги и пробл. изучения. М.; Л., 1966. С.633.

справедливо! Но, как только речь заходит об этих самых библиографах — оказывается, что их заслуги были какими-то довольно сомнительными. Вот что пишет та же Левкович:

"Деятельность пушкинистов-библиографов, преимущественно публикаторская и направленная на соби́рание фактического, документального материала, была полезной для дальнейшей разработки пушкинской биографии, но вместе с тем ее нельзя рассматривать как явление безусловно положительное. Увлекаясь публикаторской деятельностью, процессом накопления материала, они не стремились к его обобщению, поиски документального материала велись таким образом, что большая часть его касалась биографических фактов и значительно уменьшала творчества; больше того, многие важнейшие моменты жизни Пушкина либо продолжали оставаться неосвещенными, либо получали неверную трактовку"⁶. Показательно, что исследовательница не приводит ни одного примера подобного рода. Между тем факты свидетельствуют совсем о другом, причем факты достаточно общеизвестные, с которыми безусловно знаком каждый пушкинист (об этом еще будет сказано). Так в чем же дело? Думается, что здесь действует сила инерции, давление привычки, традиционное отношение к библиографам 50-60-х гг. XIX в. — как к формалистам и буквоедам. Еще в начале 1860-х гг. Н.А.Добролюбов, а позже — М.Е.Салтыков-Щедрин создали образ отрешенного от жизни, полубезумного библиографа-пушкиниста, маньяка и крохобора. Так, в 12-м "письме к тетеньке" Щедрин живописует собрание таких сомнительных личностей, занятых комментариями к "черной шали", выражающими благодарность "покойному библиографу Геннади" за указание на "чернильный клякс" в рукописи великого поэта⁷. Поводом для подобного выступления было издание сочинений А.С.Пушкина под редакцией Ефремова, снабженное богатейшим справочно-библиографическим аппаратом, комментариями, публикацией черновых вариантов и т.п., т.е. отличавшееся теми чертами, которые теперь присущи академическим изданиям, но в то время казавшееся наполненным "излишествами". Справедливости ради надо сказать, что издания сочинений поэта, подготовленные библиографами (Г.Н.Геннади, П.А.Ефремовым), при всем богатстве материала не отличались удачной композицией, вероятно, как всякий первый опыт.

⁶ Пушкин: Итоги и пробл. изучения. М.; Л., 1966. С.270. Можно подумать, что армия современных пушкинистов только и занята обобщениями. Это удел единицы!

⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М., 1951. Т.9. С.415-416.

Вклад пушкинистов-библиографов середины прошлого века в пушкиноведение выразился в ряде работ самого разнообразного содержания и назначения. Прежде всего, это — соби́рание и публикация ранее неизвестных или запрещенных произведений поэта, библиографические указатели его произведений или литературы о нем и, наконец, редакторская работа над изданиями сочинений Пушкина. Работы эти, естественно, не были равноценными. Среди них, наряду с чрезвычайно значительными, встречались и мало существенные и случайные, которые и позволили противникам "библиографизма" причислить работы библиографов к категории праздных забав. Однако справедливость требует отметить, что подобные работы были лишь единичными исключениями, ни в коей мере не типичными для своего направления в целом. Более того! Неудачные работы библиографов-пушкиноведов встречали осуждение прежде всего в самой библиографической среде, которая чрезвычайно ревниво относилась к репутации своих сочленов и не прощала им даже случайных промахов. Это дает основание полагать, что неудачи некоторых библиографов-пушкинистов происходили не из пороков библиографического направления, а из младенческого состояния русского пушкиноведения того времени. Действительно, научное изучение пушкинского наследия только начиналось в 1850-е гг. и начали его именно библиографы. Их ошибки и промахи характерны для любого научного направления в его начальный, чисто эмпирический период. Кроме того, не следует забывать, что работа библиографов по соби́ранию и публикации пушкинского наследия протекала в условиях напряженной полемики, участники которой (представители и революционно-демократической и эстетической критики) внесли немало путаницы в вопрос о мировоззрении поэта и его роли в общественной жизни России. К чести библиографов следует сказать, что они не только не усугубили неверный взгляд на Пушкина, как на жреца чистого искусства, но в силу своих возможностей и в меру своего разумения старались противопоставить этому взгляду материалы, проливающие свет на Пушкина-гражданина. Не только такие библиографы-"герценовцы", как Е.И.Якушкин, А.Н.Афанасьев и П.А.Ефремов, но "умеренные" Г.Н.Геннади и М.Н.Лонгинов, объективно сослужили службу прогрессивному пушкиноведению, введя в научный оборот целый ряд чрезвычайно ответственных в политическом отношении пушкинских текстов. Не следует забывать, что среди библиографов того времени были два человека, близко знавшие поэта, чрезвычайно этим гордившиеся и стоявшие на

страже пушкиноведения, — С.А.Соболевский и С.Д.Полторацкий. Все работы библиографов-пушкинистов той эпохи (за исключением, может быть, трудов Е.И.Якушкина) проходили проверку одного из этих друзей Пушкина. Работ небрежных, халтурных они вообще не пропустили бы в печать. Правда, им самим случалось иногда ошибаться. Так, Полторацкий однажды приписал Пушкину не принадлежащее ему юношеское стихотворение, за что был строгайше разруган Соболевским. Но подобные случаи — редчайшее исключение.

Публикациям пушкинских текстов предшествовала кропотливая многолетняя собирательская работа. До нас дошли три рукописных пушкинских сборника, составленных библиографами 1850-х гг. Это — две работы Е.И.Якушкина и одна — М.Н.Лонгинова. Первые две заслуживают особого внимания (тем более, что впоследствии они широко использовались при издании собраний сочинений поэта, в том числе и в советское время).

Осенью 1855 г. Евгений Иванович Якушкин второй раз сумел приехать в Сибирь и увидеться с сосланным отцом. Среди декабристов, живших на поселении совместно с И.Д.Якушкиным, были люди, хорошо знавшие Пушкина. Молодой Якушкин настойчиво просил их написать воспоминания о поэте. В особенности это относилось к задушевному другу Пушкина И.И.Пушину, у которого Е.И.Якушкин буквально вырвал согласие написать воспоминания о поэте⁸. В свою очередь молодой исследователь обещал старому другу отца собрать "полного Пушкина".

Свое обещание Е.И.Якушкин выполнил. "Скоро ли вы будете к нам, — писал он в 1856 г. Пушину, — я готовлю к вашему приезду полный

⁸ "Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься — и то уже совестно, что так долго откладывалось давнишнее обещание поговорить с вами на бумаге об Александре Пушкине, как мы бывало говаривали при первых наших встречах", — так начинается посвящение Е.И.Якушкину, предпосланное известным "Запискам о Пушкине" И.И.Пушина. Они были опубликованы тем же Якушкиным в журнале "Атеней" (1859) в урезанном цензурой варианте, а затем полный их текст был переправлен Якушкиным Герцену. Любопытно, что посвящение Якушкину, выпущенное при публикации в "Атенее", было восстановлено в "Полярной звезде" (разумеется, собственные имена не назывались).

экземпляр сочинений Пушкина, — работы за ним еще много, но в мае кончу. В этом экземпляре будет многое, чего не будет и в 7 томе (В дополнительном томе к сочинениям Пушкина под редакцией Анненкова. — Л.Р.), словом, этим трудом вы останетесь довольны. Как видите, я не забыл данного мною обещания два года тому назад"⁹. Современным пушкинистам известны два рукописных сборника произведений Пушкина из собрания Якушкиных. Оба они составлены и собственноручно переписаны Евгением Ивановичем (хранятся в ИРЛИ). Первый сборник представляет собой тетрадь в 12 листов, в которой записаны 78 стихотворений. Из них Пушкину бесспорно принадлежит тридцать пять; остальные приписывались ему ошибочно. Второй сборник состоит из 58 стихотворений (из них 34 безусловно пушкинские). Оба эти сборника широко использовались при подготовке советского академического издания сочинений Пушкина. Под отдельными текстами Е.И.Якушкин указывает и источники (от кого получено, с подлинной ли рукописи поэта или с копии, где хранится и т.п.). Во втором сборнике, кроме стихотворений, переписан весь текст планов "Русского Пелама", полученный Якушкиным от Анненкова и опубликованный им затем на страницах "Библиографических записок". Громадный интерес имеют примечания к "Русскому Пеламу", находящиеся в рукописи Якушкина: здесь указаны прототипы образов романа, среди которых некоторые из виднейших деятелей тайных обществ 1820-х гг. Кому, как не Якушкину, и кровно, и духовно связанному с декабристами, и было составить такие комментарии! Источники, которыми пользовался Якушкин при составлении своих сборников, полностью еще не выявлены. Частично — это материалы, бывшие в распоряжении Анненкова, которые ему не удалось протащить сквозь цензурные рогатки, частично — записи в альбомах московских и петербургских знакомых поэта (имя Якушкина открывало доступ к любым подобным семейным реликвиям), частично — тексты, собранные другими библиографами, с которыми Якушкин был связан дружескими или профессиональными отношениями. Наконец, в распоряжение молодого исследователя был передан знаменитый портфель Пушина. Судьба этого драгоценного собрания достаточно драматична, и о ней не раз писали исследователи (Т.Г.Цявловская, Н.Я.Эйдельман и др.).

⁹ Пушкин: Исслед. и материалы. М., 1950. Т. I. С. 194.

Рано утром 15 декабря 1825 г. ожидавший ареста Пущин передал приехавшему к нему П.А.Вяземскому на сохранение портфель с бумагами, в котором было несколько стихотворений Пушкина, Дельвига, Рыльева и записки по общественным вопросам. Через 32 года, когда старый декабрист возвратился из ссылки, Вяземский вернул ему этот портфель со всеми находившимися в нем бумагами. Такова легенда. Современные исследователи вносят в нее существенные коррективы. Прежде всего ими установлено, что Вяземского в середине декабря 1825 г. в Петербурге не было. Во-вторых, уже в советское время опубликовано письмо к Пущину его брата Михаила, который, на запрос о портфеле, отвечал, что он отдал его Вяземскому в 1841 г. Таким образом, героическая роль Вяземского несколько тускнеет. Но как бы то ни было, бумаги Пущина он сохранил и после возвращения последнего из Сибири вернул их по принадлежности (правда, после многократных настойчивых просьб владельца)¹⁰. Получив свой портфель, Пущин отдал молодому Якушкину все находившиеся в нем пушкинские материалы, среди которых оказались и неопубликованные стихотворения, а также такие, которые до этого не публиковались полностью. Из последних наибольшее значение для выяснения общественных взглядов Пушкина имело стихотворение "К морю", которое даже в седьмом томе Анненкова полностью не опубликовано. Если к тому еще прибавить, что Якушкин получил от Пущина тексты пушкинских посланий к Чаадаеву¹¹ и в Сибирь (декабристам и Пущину), то станет ясно, что в его руках оказались чрезвычайно важные неопубликованные стихотворения поэта. В условиях полемики вокруг Пушкина, полемики, в которой обе стороны явно недооценивали общественное звучание пушкинской поэзии, опубликование этих произведений могло иметь

¹⁰ Эта легенда опровергнута в работах Цявловской, Эйдельмана и других авторитетных ученых, что не мешает ей вновь и вновь всплывать в популярных работах самого последнего времени.

¹¹ Афанасьев писал Геннади, работавшему над изданием сочинений Пушкина: "К Чаадаеву (Чаадаеву) есть список полный, да нельзя печатать, а в печати оно так изуродовано, что Пушкина и следа не осталось: должно быть, это страпня Жуковского и Вяземского. Я советую в новом издании сказать это и напечатать это изуродованное детище в примечаниях, а не в тексте, где должен быть чистый Пушкин" (Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 216). Не забудем, что речь идет о стихотворении, в котором говорилось об "обломках самовластья"!

громкое значение. Однако на пути к этому стояло почти непреодолимое препятствие – российская цензура, которая гораздо лучше спорящих критиков понимала силу общественного воздействия пушкинской поэзии. Напомним, что даже имевший большие связи с высших сферах Анненков не мог включить в редактируемое им собрание сочинений Пушкина целый ряд политически острых текстов. Что же касается Якушкина, то он не только не обладал нужными связями, но был на дурном счету у властей и как сын "государственного преступника" и как член подозрительного кружка Кетчера-Пикулина. Ему было еще труднее, чем кому бы то ни было, преодолеть препоны, стоявшие на пути потаенного Пушкина к русскому читателю. Тем не менее он это сделал. Для обнародования не пропущенных цензурой пушкинских текстов Якушкин выбрал наименее заметную форму – рецензию на анненковское издание. Дело в том, что появление каждого из томов этого собрания вызывало оживленные отклики в прессе. В особенности много рецензий было опубликовано в связи с выходом в свет седьмого, дополнительного тома. Можно без преувеличения сказать, что не было ни одного журнала, который не откликнулся бы на появление этого тома. В течение 1858 г. цензуре пришлось просмотреть не один десяток откликов на седьмой том анненковского издания, и они уже в какой-то мере примелькались ей. Поэтому еще одна рецензия могла пройти более или менее гладко, а то, что в ней цитировались тексты, которых вовсе не было у Анненкова, – этого российские аргусы по своему невежеству просто не заметили. Так появились на свет ответственнейшие в политическом отношении публикации Якушкина и Афанасьева. Публикации в "Библиографических записках" не оказались случайными ни для автора, ни для журнала. Якушкин был среди основателей и редакторов данного издания, одним из основных руководителей которого являлся его ближайший друг и единомышленник Александр Николаевич Афанасьев. За три года существования журнала на его страницах опубликовано более полусотни различных материалов о Пушкине: письма поэта к брату Льву Сергеевичу (публикация С.А.Соболевского), записки Пушкина к Гоголю (публикация П.А.Кулиша), заметки о Пушкине одесского исследователя К.П.Зеленецкого, рецензии на седьмой том анненковского издания Л.Н.Майкова, П.А.Ефремова, А.Н.Афанасьева и Е.И.Якушкина, три заметки М.Н.Лонгинова биографического характера, его же публикация рассказа доктора Спасского о последних днях Пушкина, три письма поэта к М.Л.Яковлеву (публикация В.П.Гаевского), биографические заметки

А.М.Лазаревского, библиографический указатель переводов произведений Пушкина на европейские языки Г.Н.Геннади и его же указатель критических и биографических работ о Пушкине и множество других материалов и публикаций. Статьи Афанасьева и Якушкина явились органической частью этой богатой Пушкинианы¹².

Для круга "Библиографических записок" Пушкин был, прежде всего, певцом Декабря, в чем-то очень важном и сокровенном не изменивший этому, несмотря на все явные срывы. Публикации "Библиографических записок" - это та "третья сила" в полемике вокруг Пушкина, которую современные исследователи склонны признавать только за Герценом и Огаревым, забывая о том, что пушкинские публикации на страницах "Полярной звезды" были получены в Лондоне от тех же библиографов после того, как становилось ясно, что напечатать их в России нет возможности¹³. Позволим себе еще раз подчеркнуть, что Якушкин не просто собиратель и публикатор пушкинских текстов (хотя и одного этого было бы вполне достаточно, чтобы занять почетное место в русском пушкиноведении), но, прежде всего, исследователь общественных взглядов и общественного значения творчества поэта. Эту же линию успешно продолжил его сын Вячеслав, который даже был в 1899 г. выслан из Москвы под надзор полиции за речь об общественных взглядах Пушкина, произнесенную в Обществе любителей российской словесности. В.Е.Якушкин говорил о верности Пушкина декабристским идеалам. "Великую заслугу" поэта он видел в том, что "благодаря ему идеи 20-х годов нашли легче доступ к молодому поколению 30-х годов". Выступив против официальной версии о резком поправении Пушкина после Декабря (версии, которая разделялась и революционно-демократической критикой), Якушкин заявил, что "общественные идеи" Пушкина после возвращения из ссылки

¹² Подробно об этих работах и их оценке советскими пушкинистами см.: Равич Л.М. Евгений Иванович Якушкин (1826-1905). Л., 1989. Гл. "Якушкин-пушкинист". К слову говоря, Цявловская, очень высоко оценивая публикации Якушкина в "Библиографических записках", не указывает, что его соавтором был Афанасьев (скрывшийся под псевдонимом - "И.М.-к").

¹³ Об этом см. в кн.: Эйдельман Н.Я. Тайные корреспонденты "Полярной звезды". М., 1966. Гл. Друзья "Полярной звезды".

"в сущности остались те же, но он для их распространения и осуществления в пределах возможного впредь должен был употреблять уже другие средства". Поэтическую биографию Пушкина Якушкин связал с "историей нашего общественного движения", увидев в Пушкине 1830-х гг. "единственного выразителя общественных идей 20-х годов" "в прежнем кружке, продолжавшем владеть литературой"¹⁴. Такая трактовка разделялась и ближайшим другом семьи Петром Александровичем Ефремовым. В пушкиноведение Ефремов пришел одновременно с Е.И.Якушкиным. Оба они дебютировали на страницах "Библиографических записок" и даже в одном жанре - рецензиями на седьмой том анненковского издания. Статья Ефремова называется "Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина" (1861. Т.3). Как явствует из переписки его с Якушкиным, материалы для этой статьи были им частично получены из якушкинского собрания; однако в это время Ефремов становится уже и сам известным собирателем и знатоком пушкинских текстов (что не мешало ему до конца жизни обращаться к Якушкину как к арбитру во всех сложных и спорных случаях)¹⁵.

Особенно активизировалась работа Ефремова над пушкинскими текстами в период подготовки им третьего исаковского издания сочинений Пушкина (1880-1881). Это время совпало с открытием в Москве знаменитого памятника поэту, и русская пресса печатала особенно много пушкинских материалов. В одном лишь 1880 г. Ефремовым опубликованы: письма Пушкина к Н.И.Гнедичу ("Русская старина"), письма поэта к А.Ф.Орлову и А.И.Тургеневу (Там же), заметки о дружественных связях Пушкина и Пущина ("Новое время"), "Заметки о "Родословной" и выходка Ф.Булгарина" ("Русская старина"), Послание Пушкина к Н.В.Всеволожскому (Там же), заметка о взглядах Пушкина на царствование Петра I и Екатерины II (Там же), "По поводу розысков дома, где родился Пушкин" ("Новое время"). Кроме того, в этом же году под редакцией Ефремова напечатаны очерки жизни Пушкина и его переписка с братом, друзьями и знакомыми. Как видим, Ефремов выбирал далеко не случайные пушкинские темы; его интересовали по преимуществу документы,

¹⁴ Текст речи В.Е.Якушкина публиковался до революции несколько раз. Подробное ее изложение см.: Пушкин: Итоги и пробл. С.272-273.

¹⁵ Многочисленные свидетельства - в письмах Ефремова к Якушкину (Москва. ЦГАОР. Ф. Якушкиных. № 279, оп.1, а также РО ИРЛИ. Арх. П.А.Ефремова, ф. № 103, оп.2 и многие др.).

проливавшие свет на общественную позицию поэта и на его связи с эпохой. Любопытно отметить, что Ефремов в это же время выступил в печати с обоснованием необходимости создания полного библиографического указателя произведений Пушкина и литературы о нем ("Московские ведомости". 1880. № 135). Написанная в свойственной Ефремову темпераментной и категорической манере, эта заметка произвела большое впечатление на литературную общественность и, возможно, послужила отпраздной точкой работы Межова над "Пушкинианой". Принципы же и методы работы над пушкинскими текстами Ефремов наиболее отчетливо продемонстрировал в своей редакторской работе у Исакова (об этом будет сказано ниже, в связи с редакторской деятельностью библиографов того времени).

Большой вклад в изучение и собирание пушкинских текстов внесли и другие библиографы тех лет: М.Н. Лонгинов, Г.Н. Геннади, С.Д. Полторацкий и С.А. Соболевский.

Как уже упоминалось, Лонгинов являлся одним из самых усердных собирателей неопубликованных пушкинских текстов. В архиве Полторацкого (РО ГБЛ) хранится копия составленного Лонгиновым собрания неопубликованных стихотворений Пушкина, представляющего значительный интерес для исследователей творчества поэта. Это два объемистых тома, содержащих сто двадцать стихотворных и двенадцать прозаических текстов, тщательнейшим образом прокомментированных составителем. К ним приложен указатель псевдонимов Пушкина, имеющий самостоятельное значение. К рукописи рукой Полторацкого сделаны довольно многочисленные добавления и исправления, так что, по существу, перед нами коллективный труд двух выдающихся библиографов эпохи.

Вот что рассказывает об этой работе редактор первого тома сочинений Лонгинова, известный библиограф П.К. Симони: "Когда вышли тома первого полного и до известной степени критического издания Сочинений А.С. Пушкина, появившегося розысками и трудами П.В. Анненкова, Лонгинов задался мыслью исправить и дополнить это самое полное в то время издание Сочинений нашего поэта и сделать для себя и своих литературных приятелей собрание всего, что так или иначе принадлежало Пушкину, как несомненное, так равно и всего, что только приписывалось ему.

М.Н. Лонгинов с детства жил и вращался в среде, где сберегались литературные предания старого времени и ими дорожили, а кроме того,

в доме же отца, Николая Михайловича, он встречал и решительно всех лучших наших писателей, ученых, художников, музыкантов и т.д. Он был окружен литературными и историческими преданиями и дома и когда он учился в Царскосельском лицее и затем в Петербургском университете. <...> Собранные материалы в 1855 г. в Москве были подобраны, приведены в известную систему и подверглись заключительной обработке. Очень большой вклад в сборник Лонгинова сделали друзья его и Пушкина, и как С.А. Соболевский, который и сам владел Пушкинскими автографами и списками его произведений и всегда очень интересовался поэтической его деятельностью во всех видах, а чего нельзя было почему-либо записать, то хранил в своей богатой памяти"¹⁶. Здесь присутствует одна здравая идея: сборник Лонгинова восходит к "старикам", прежним друзьям и приятелям Пушкина. Но если сборники Якушкина восходят к декабристам и Чаадаеву, то собрание Лонгинова — к тем из друзей Пушкина, которые отнюдь не были склонны видеть в нем преимущественно выразителя свободолобивых идей. Тем не менее и в этом сборнике имелись неизданные произведения большого общественного звучания, которые Лонгинову удалось частично напечатать.

В 1856–1857 гг. во многих номерах "Современника" публиковались "Библиографические записки" Лонгинова. Они содержали разнообразные разыскания по истории русской литературы, в том числе и пушкинские материалы. Среди последних в особенности выделяется публикация текста "Ариона", не вошедшего в основные тома анненковского издания. Не зачем говорить о значении подобной публикации в условиях полемики 1850-х гг. Н.А. Некрасов писал Лонгинову, получив за границей номер журнала с "Арионом": "Милый, душевно любимый и уважаемый мною Лонгинов. <...> Мы спасибо тебе сказали в Париже, между прочим, за то, что ты напечатал "Нас было двое на челне"¹⁷. (У Некрасова описка: "Нас было много на челне".) Естественно, что такие находки, как "Арион", были большой редкостью, но даже менее существенные, неоконченные, шуточные стихотворения великого поэта, опубликованные Лонгиновым, давали богатый материал для будущего полного собрания его сочинений. "Малейшие отрывки, написанные Пушкиным, — сказано в предисловии к одной публикации, — тщательно собранные просвещенным изда-

¹⁶ Лонгинов М.Н. Сочинения. М., 1915. Т. I. С. 574–575.

¹⁷ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. М., 1977. Т. X. С. 346.

телем его сочинений, возбудили в публике, как и следовало ожидать, живейший интерес. Я знаю много его стихов почти неизвестных. Помещаю здесь два отрывка". Далее следует текст исключенных автором строк из второй главы "Отечина" ("О двойка! Ни дары свободы"...), сообщенных Лонгинову Соболевским, а также отрывок "Ночь светла, в небесном поле", полученный от Льва Пушкина. Надо отметить, что публикации Лонгинова свойственна, если можно так выразиться, пушкиноведческая всеядность, — свойство, присущее далеко не только пушкинистам прошлого века. Однако в массе даже такие непритязательные публикации чрезвычайно обогащали библиографию пушкинских текстов, уточняя некоторые варианты, позволяя глубже заглянуть в творческую лабораторию поэта. В сущности, та "мелочность", которую осуждают нынешние исследователи Пушкина, дает им же возможность овладеть всей массой поэтического наследия Пушкина. Заслуживает внимания и такая деталь: если Якушкин получил часть пушкинских материалов от Анненкова, то Лонгинов, наоборот, снабжал последнего известными ему текстами. Например, в седьмом томе мы находим "Арион", и другие опубликованные Лонгиновым стихотворения. Это не значит, конечно, что Лонгинов знал Пушкина лучше, чем Анненков или Якушкин; просто у него были подчас тексты, которыми не располагали те исследователи, ибо он черпал из других источников. (Кстати, использование Анненковым Лонгиновских материалов отметил Добролюбов в рецензии на седьмой том Пушкина.)

Между тем основное пушкинское собрание Лонгинова, переписанное и значительно обогащенное Полторацким, продолжало в значительной своей части оставаться под спудом. Даже в начале XX в. оно было, по выражению Симони, "неизвестно даже записным пушкинистам". Тот же Симони сообщает, впрочем, что этот сборник готовится к печати Цявловским но, насколько нам известно, в свет он так и не вышел. В свое же время он не мог быть опубликован полностью по причине наличия в нем, как пишет сам Лонгинов, "сочинений, о коих печатно говорить нельзя". Лонгиновское собрание стоит по полноте на втором месте после Якушкинского, если принять за критерий полноты не чисто количественные показатели, а новизну и оригинальность сведений. Следует, пожалуй, отметить и одну черту, роднящую эти собрания: и Якушкин и Лонгинов собирали не только бесспорно пушкинские вещи, но и те, которые только приписывались ему. Это объясняется даже не слабостью пушкиноведения той поры, не владевшего, в целом, приемами

научной атрибуции, а определенной "заданностью". Ведь стихотворения, даже заведомо не принадлежавшие Пушкину, но приписывавшиеся ему общественным мнением, давали богатый материал для освещения темы "поэт и общество". Нечего и говорить о том, что большинство этих стихотворений было явно "бесцензурного" свойства и оглашению в печати не подлежало.

Несколько менее активно, чем младшее поколение пушкинистов, выступали в печати "старики", хранители пушкинского наследия — С.А. Соболевский и С.Д. Полторацкий. Они очень щедро делились с молодыми своими материалами (Лонгинов и Геннадия в предисловиях к своим работам неоднократно указывают на это), но сами остерегались печатать работы, которые, как любил выражаться Полторацкий, не равнялись бы по точности сведений таблице логарифмов. Несколько публикаций, сделанных ими в русской печати, не имели принципиального значения (кроме писем Пушкина к брату, опубликованных Соболевским в "Библиографических записках", которые, как известно, вызвали восторг у Герцена). Их деятельность, как пушкинистов, шла в другом направлении: оба они были пропагандистами творчества великого русского поэта за рубежом. Еще при жизни Пушкина началась плодотворная работа Полторацкого по ознакомлению французских читателей с Пушкиным. Постоянно сотрудничая в популярнейшем журнале "Revue encyclopédique", Полторацкий с самого начала 1820-х гг. помещает в нем заметки о новых произведениях Пушкина. Если же принять во внимание, что этот журнал широко обращался в России и что на его страницах можно было писать так, как это немислимо было в отечественных изданиях, то можно сказать, что работы Полторацкого о Пушкине имели значение не только для европейских читателей.

Деятельности Полторацкого как пропагандиста творчества Пушкина во Франции в свое время была посвящена обстоятельная статья Ф.Я. Прийма¹⁸, поэтому здесь мы не будем останавливаться на этом вопросе, тем более, что данный аспект пушкиноведческой работы Полторацкого, достаточно высоко оцененный советскими исследователями, относится к 20-30-м гг. XIX в. Нас интересует, по преимуществу, деятельность Полторацкого по сохранению и собиранию пушкинского наследия уже во второй половине века.

¹⁸ Прийма С.Ф. Полторацкий как пропагандист творчества Пушкина во Франции // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 297-307.

Первая библиографическая (по современным понятиям – текстологическая) работа о Пушкине, появившаяся в русской печати после смерти поэта, была связана с именем Полторацкого. Это – "заметки для будущих издателей Пушкина. Письма к Полторацкому", автором которых был друг и долготелный сотрудник Полторацкого библиограф И.А.Бессонов. Они были напечатаны в "Отечественных записках" времен Белинского (1846. № 4–6). Обращаясь к Полторацкому, как к признанному знатоку пушкинских текстов, Бессонов разбирает в этой статье достоинства и недостатки первого посмертного издания сочинений поэта, сравнивая его с текстами "Современника". Основным дефектом этого издания, помимо неточности ряда текстов, Бессонов считает произвольное размещение произведений поэта. Это и чрезвычайно характерный факт. Уже на самом раннем этапе представители библиографического направления ратовали за строго хронологическое расположение текстов в полных собраниях сочинений русских писателей. В конце статьи Бессонов обращается к Полторацкому с призывом поделиться со своими соотечественниками и особенно с будущими издателями Пушкина сведениями о переводах произведений поэта на иностранные языки. "Сведения эти, – пишет Бессонов, – могли бы вести к определенному заключению о том, что именно чужие нации видят творческого, особенно – достойного сделатья достоинством общим у нашего поэта, которого нередко упрекали в недостатке самобытности, народности и подражании великим писателям европейским... Мне известно, что вы, дорожа всем, что относится к родному языку и писателям нашим, усердно собираете и храните многие из тех платежных расписок, которые выданы Европою, а в особенности Францией (с нею у нас давнишние и весьма обширные, всякого рода, счета) представителям нашей образованности и нашего родного слова" (Отеч. записки. 1846. № 6. С. 131 (разд. III)).

Бессонов выражал сожаление, что в русской печати лишь случайно упоминаются переводы произведений Пушкина на иностранные языки. Полторацкий ответил своему другу письмом от 21 июня 1846 г. (Бессонов находился в это время в Германии): "Вы пишете (на стр. 10) об указаниях на французские переводы Пушкина и говорите, что о них кое-где упоминается вскользь. Тут страдает литературное самолюбие вашего корреспондента СДП (Сергея Дмитриевича Полторацкого. – Л.Р.). Как же было вам не сказать ему в конце вашего 4-го письма, что он не вскользь, а подробно, с любовью и с чувством – расста-

новкой означил и продолжает означать французские переводы в его "Russie et France litteraire"¹⁹. Следует отметить, что Полторацкий публиковал информацию о переводах из Пушкина и в других зарубежных изданиях. Так, на страницах авторитетного библиографического журнала "Bulletin du bibliophil Belge" он напечатал несколько статей под общим заглавием "Русско-французская библиотека, или русская и французская история и литература" (1848 и 1855 гг.), в которых сообщались сведения и о переводах произведений Пушкина на французский язык. Однако в одном Бессонов был прав: на страницах отечественной печати подобных обобщающих статей не было. Только в самом конце 1850-х гг. в "Библиографических записках" был опубликован указатель Геннади, посвященный переводам произведений Пушкина на иностранные языки, причем надо отметить, что автор широко пользовался материалами, собранными Полторацким.

Собирание сведений о переводах Пушкина – лишь одна сторона библиографической деятельности Полторацкого. В течение многих лет его не покидала мысль о подготовке полного, критического издания сочинений великого поэта. 18 июля 1846 г. он пишет Бессонову: "Ради вас занялся сочинениями Пушкина. Какое множество напечатанного пропущено в глупом издании XI томов! Ну, будет вам на ваши заметки лет на 10, и писем лет на 100"²⁰. По-видимому, его не удовлетворили и позднейшие издания (Анненкова и Геннади), и уже в 1875 г. престарелый библиограф записывает в связи с изданием сочинений Державина под редакцией Грота: "О, если бы каким магическим жезлом поручено было Гроту издать сочинения Пушкина! Тогда у нас было бы два примерных сокровища, издание Державина и Пушкина, и оба поэта имели бы незыблемый и достойный их памятник. Долго ли нам пробавляться теми безобразными изданиями, которые мы имеем до сих пор? А прошло уже 38 лет со времени его кончины, и нет еще издания, его достойного"²¹ (запись от 8/20 янв. 1875 г.). Спустя день Полторацкий снова возвращается к этой теме: "Последнее петербургское издание Пушкина (1870–1871)

¹⁹ Здесь и далее (см. с. 41–42) все неопубликованные материалы из архивов С.Д. Полторацкого цитируются по диссертации моей безвременно скончавшейся ученицы Валерии Владимировны Крамер – "С.Д. Полторацкий и русско-французские библиографические связи". С этой превосходной работой можно ознакомиться в библиотеке ЛГУ, где происходила защита.

²⁰ См. сноску 19.

²¹ Там же.

имеет в заглавиях слова: Полное собрание сочинений Пушкина. Позволительно ли морочить нас возможностью полного издания? Мыслимо ли это? Скажите, в каком подземном, подземельном томе изволили бы вы напечатать "гавриладиу"?²² Им же полное основание не верить в возможность издания в России неискаженного Пушкина, Полторацкий, тем не менее, всю жизнь усердно собирал пушкинские тексты, в том числе те, которые не могли быть опубликованы в подцензурных изданиях. В частности, он был одним из тех русских библиографов, которые с огромным интересом следили (а отчасти и участвовали) за Пушкинианой, публиковавшейся в Вольной русской печати Герцена и Огарева; известно, что в своем письме к Герцену он указал на неверную датировку второго послания Пушкина к Чаадаеву. В работе Н.Я.Эйдельмана "Тайные корреспонденты "Полярной звезды"" указан ряд фактов, свидетельствующих о том, что Полторацкий систематически отправлял в Лондон запрещенные в России сочинения Пушкина, находившиеся в его богатейшей коллекции. В 1855 г. в "Revue Encyclopedique" он поместил заметку об анненковском издании Пушкина.

Полторацкий не без основания считался знатоком и биографии поэта. Известно, что к нему обращался Анненков за сведениями о южной ссылке Пушкина и за другими материалами.

Печатная библиографическая и биографическая пушкиноведческая продукция Полторацкого, по сравнению с его богатейшими рукописными коллекциями, представляется не слишком богатой. Но таков уж был Полторацкий, неутомимый собиратель, он очень неохотно выступал в печати, за что его постоянно упрекали друзья - Вяземский, Соболевский, Геннади, Лонгинов. Еще реже выступал в печати другой близкий приятель Пушкина - Соболевский, однако, считаем нужным еще раз подчеркнуть это, - участие "стариков" в библиографической Пушкиниане 1850-70-х гг. было тем не менее чрезвычайно значительным. Они являлись хранителями наследия поэта, цензорами, редакторами и вдохновителями многих трудов.

Важная заслуга библиографов 1850-70-х гг. - создание первых библиографических указателей, посвященных Пушкину. Пионер этого жанра - Григорий Николаевич Геннади. Ему же принадлежит и первая иконо-

²² См. сноску 19.

графическая работа - "О портретах Пушкина", опубликованная в "Москвитяине" в 1854 г. В ней подробно описаны 16 гравированных портретов поэта, частью принадлежавших самому Геннади, частью виденных им у других лиц. В эти же годы Геннади усердно работал над пушкинской библиографией. Как только возникли "Библиографические записки" и пушкинисты, таким образом, получили в свое распоряжение печатный орган, Геннади опубликовал на их страницах два указателя, посвященных Пушкину. Первый из них - "Что писано о Пушкине" - явился родоначальником всех дальнейших русских Пушкиниан. Это была первая попытка отдельного свода библиографических сведений о поэте, включившая труды не только русских, но и иностранных авторов, известные Геннади (за исключением рецензий). Список этот еще очень несовершенен, но, по справедливому замечанию В.В.Каллаша, он всецело определялся тем небольшим запасом книг, который могли дать незадолго перед тем возникшие стремления подбирать "Пушкиниану"²³. Списком Геннади, по мнению этого известного пушкиниста, "положено начало серьезному историческому изучению поэта путем собирания библиографических сведений о нем". Вторая работа Геннади, опубликованная также в "Библиографических записках", называется "Переводы сочинений Пушкина". Здесь указано 78 переводов на немецкий, французский, шведский, голландский, итальянский, польский, чешский и украинский языки. Советские исследователи дают этой работе очень высокую оценку. По мнению Я.Л.Левкович, список отличался тщательностью и исследовательской глубиной. Геннади дает не только подробное описание изданий, но также подробные сведения и характеристику переводов, их образчики, сведения относительно помощи переводчикам со стороны русских и др.²⁴

Список был составлен по книгам Имп. Публичной библиотеки и частного собрания Полторацкого, вероятно, не без участия последнего. Хоршее знание основных европейских языков (в том числе и итальянского) позволило Геннади, по мнению Каллаша, "вполне познакомить с общим характером, содержанием и значением" библиографируемого материала²⁵.

²³ Каллаш В.В. Puschkiniana. Киев, 1902. /Вып. I/. С.5.

²⁴ Пушкин: Итоги и пробл. ... С.634. Редкий случай признания заслуг Г.Н.Геннади!

²⁵ Каллаш В.В. Указ. соч. С.5.

Позволим себе небольшое отступление. Высокая оценка трудов Геннади о Пушкине вполне им заслужена. Однако и дореволюционные, и советские пушкинисты, говоря об этих работах, характеризуют их изолированно от библиографии того времени и принципов работы библиографов 1850-70-х гг. вообще. Между тем и слабости, и достоинства трудов Геннади-пушкиниста проистекают из общего состояния науки его времени и методов "библиографизма". Неполнота его работ - следствие полного отсутствия пушкинской библиографии (мы уже говорили о том, что Геннади стал ее зачинателем и ему пришлось вспахивать целину); достоинства же его указателей были отражением принципов и методов работы библиографов тех лет, которые являлись в то же время и историками литературы и вообще книговедами в широком смысле слова. Эти принципы - работа только по первоисточникам, обязательно *de visu*, аннотирование и комментирование библиографируемых текстов - присущи трудам всех без исключения представителей "библиографизма", сформировавшегося в середине 1850-х гг. В этом отношении они противостоят следующему этапу развития русской библиографии, начавшемуся приблизительно в 1880-х гг. и характеризующемуся, если можно так выразиться, чисто количественными показателями. С легкой руки Межова в русской библиографии начинают возникать многотомные, в тысячи единиц, библиографические работы, авторы которых подчас не имели представления о тех книгах, которые включались ими в указатели. Так, знаменитая "Pushkiniana" Межова (1886 г.), включившая 4500 записей, изобилует таким количеством ошибок и пропусков, что надо только сожалеть, что поныне ею приходится пользоваться пушкинистам и вообще историкам русской литературы. Нельзя не согласиться с мнением Левкович, которая считает, что "составление справочника, заменяющего книгу Межова, является одной из ближайших задач пушкинской библиографии. Пока мы не имеем этого справочника, каждый исследователь будет вновь и вновь перелистывать сотни томов журналов и многочисленные комплекты старых газет..."²⁶.

²⁶ Пушкин: Итоги и пробл. ... С. 635. Заметим, что уже первый рецензент Сергеевский указал Межову на 46 грубых ошибок и 109 пропусков. Ф.А. Витберг через несколько лет после выхода в свет указателя Межова сделал еще 160 замечаний. В действительности же ошибок в труде Межова еще во много раз больше, причем ошибок такого рода, которые свидетельствуют об отсутствии знаний у автора по вопросам пушкиноведения: заглавия текстов, даты написания и напечатания сплошь и рядом путаные; вместо первых публикаций указываются поздние перепечатки и т.п.

Геннади является представителем первого, исследовательского этапа библиографического изучения Пушкина. Владея еще не очень большим запасом сведений, деятели этого периода создавали работы пусть и небольшие по объему, но глубоко разработанные; работы, которые, имея чисто библиографическую форму, были в то же время пушкиноведческими исследованиями. Это станет вполне понятным, если еще раз вспомнить, что библиография того периода находилась в неразрывном единстве с историей литературы и каждый, именовавший себя библиографом, являлся в то же время и литературоведом, и текстологом. Поэтому можно сказать, что отмеченная позднейшими пушкинистами исследовательская глубина указателей Геннади - следствие методов и принципов "библиографизма" 1850-х гг.

Продолжая накапливать пушкинские материалы, Геннади выступил в 1860 г. уже с большой работой, напечатанной в виде приложения к редактировавшемуся им собранию сочинений поэта в издании Исакова (Приложения к сочинениям А.С. Пушкина, изданным Я.А. Исаковым: Библиогр. список всех произведений А.С. Пушкина, доп., черновые отрывки, не вошедшие в текст и примеч. / Сост. Григорий Геннади. СПб., 1860). Сюда вошли и дополненный и переработанный указатель переводов, и список изданий произведений Пушкина (с указанием первых публикаций и последующих перепечаток), и полный свод пушкиноведческой литературы. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в эти "Приложения", наряду с чисто библиографическими сведениями, вошли и текстологические (варианты, черновые наброски и т.п.). Обе указанные категории материалов считались в то время подлежащими компетенции библиографа.

Современники по достоинству оценили труд Геннади. Передовой критико-библиографический журнал "Книжный вестник" поместил очень теплую рецензию, в особенности отметившую большую работу Геннади по сбору и публикации отдельных, частью неизвестных ранее деталей, касающихся жизни и творчества поэта. "Очень интересное издание, - пишет анонимный рецензент "Книжного вестника", - за которое скажут искреннее спасибо издателю и редактору все поклонники Пушкина. В этом издании читатель знакомится с закулисной деятельностью пушкинской музы, входит в тот заветный, безыскусственный внутренний мир поэта, который он скрывает от взоров современной ему публики, как святую, являясь в печати в выработанной, законченной форме своих

поэтических созданий, но без которого невозможно полное понимание писателя как человека, не как поэта только; в поэтических творениях нас интересует их объективное значение и достоинство, но в них откроется для нас новая прелесть, они приобретут новую, высокую цену, если нам возможно будет проследить по ним ту внутреннюю работу творческого гения, которая совершается в душе человеческой, родственной с нашею собственною душою, и выражается в приемах исполнения, свойственных и понятных каждому из нас, — а для этого необходимо как можно тщательнее знакомиться с теми, частью мелочными, фактами деятельности писателя, с которыми он сам не желает знакомить своих современников. Г. Геннади предлагает потомкам нашего поэта богатую сокровищницу таких фактов²⁷. В рецензии обращает на себя внимание явно полемическая ее направленность против тех публицистов, которые осуждали как раз "мелочность" библиографических исследований и считали вовсе не существенными детали биографического характера. Рецензент "Книжного вестника", в отличие от них, прекрасно понимает значение того, что мы теперь называем "творческой лабораторией" писателя. Поддержка авторитетного журнала была очень дорога Геннади, тем более, что само издание Пушкина под его редакцией было встречено градом насмешек современников (об этом см. ниже). Естественно, что в библиографической среде "Приложение" Геннади получило сочувственный прием. Лонгинов, особенно высоко оценивший библиографическую часть данного тома, назвал ее "трудом капитальным, достойным имени почтенного нашего библиографа"²⁸.

Геннади являлся знатоком и запрещенных в России произведений Пушкина. В его указателе "Список русских книг, печатанных вне России" (Берлин, 1875) указаны те произведения Пушкина, которые по цензурным условиям не могли появиться в России и о которых он, естественно, не мог упомянуть в "Приложении" к исаковскому изданию. К этому "Списку", наряду с портретами Герцена и Рыльева, был приложен и портрет Пушкина из богатой иконографической коллекции Геннади. Раскрытие ряда псевдонимов поэта содержала работа Геннади "О псевдонимах русских и французских"²⁹.

²⁷ Кн. вестн. 1860. № 1/2. С. 26.

²⁸ Моск. ведомости. 1860. № 42. С. 324.

²⁹ В-ка для чтения. 1857. Кн. 9. С. 58-71 (отд. УП).

Последней работой Геннади, посвященной Пушкину, является соответствующий раздел в его знаменитом "Справочном словаре о русских писателях и ученых" (Т. 3. М., 1906. Издан посмертно). Это большая библиография (примерно 314 названий, не считая мелких рецензий), включающая отдельные издания сочинений поэта (в том числе зарубежные, гербелевские, запрещенные к обращению в России), переводы его произведений, биографические статьи и материалы, критические работы, некрологи, иконографию. Среди этих материалов значительное место занимает литература, запрещенная в России. Так, Геннади указывает все пушкинские материалы, напечатанные в "Полярной звезде" Герцена, лейпцигское и берлинское издания стихотворений поэта, письма Пушкина к К. Ф. Рылеву и А. Ф. Вестужеву (Лейпциг, 1875) и др. Ко всем значительным работам тщательно подобраны рецензии и отклики в прессе. Так, Геннади указывает 11 рецензий на анненковские "Материалы для биографии А. С. Пушкина", многие из которых имеют самостоятельный научный интерес. Все сколько-нибудь значительные работы Геннади аннотирует и комментирует. Работы, в которых о Пушкине лишь упоминается, расписываются аналитически. Вместе с тем Геннади отнюдь не стремится к абсолютной полноте сведений, смело исключая те материалы, которые сам считает не стоящими внимания. "Из статей о Пушкине в иностранных литературах, — пишет он, — укажем только главнейшие, не упоминая ничтожных известий разных биографических словарей и энциклопедий". Зато он обращает внимание читателей на те биографические очерки, предваряющие переводы Пушкина на иностранные языки, которые написаны со знанием дела. На первом месте у него помещена работа Ф. Боденштедта, с которым он находился в приятельских отношениях и переводы которого с русского чрезвычайно ценил (работы Боденштедта были, как известно, высоко оценены Тургеневым). Таким образом, перед нами не просто перечень книг и статей о Пушкине, а безусловно самостоятельная и творческая работа, принадлежащая исследователю, долго и усердно изучавшему пушкиноведческую литературу, способному дать оценку каждой работе и прокомментировать нуждающиеся в объяснениях. Можно без преувеличения сказать, что Геннади не только явился основателем пушкинской библиографии в России, но и заложил прочный фундамент, на котором покоятся все последующие "пушкинианы".

Очень сложным, не получившим сколько-нибудь определенной оценки современных исследователей, является вопрос об изданиях произведе-

дений Пушкина, осуществленных библиографами второй половины XIX в., в особенности выпущенных Я.А.Исаковым, - в 1859 г. первое (под редакцией Геннади), в 1869-1871 гг. - второе (также редактировавшееся Геннади) и в 1880 г. - третье (под редакцией Ефремова). Это были первые издания произведений Пушкина, выполненные в согласии с требованиями библиографической школы. Что же это были за требования? Во-первых, максимально возможная (в идеале - исчерпывающая) полнота, во-вторых, строго хронологический порядок расположения текстов, в-третьих, привлечение всех известных исследователям вариантов, черновинов и тому подобного материала и внесение его в основной текст (причем обильно выделяя подобные вставки иным шрифтом или кавычками), обилие комментариев и библиографических заметок. Такой подход требовал громадной эрудиции, а практиковавшееся библиографами внесение вариантов в текст - еще и большого такта и тонкости, если вообще можно было допустить подобную контаминацию. В те годы не существовало так называемых "академических" изданий сочинений классиков литературы, в которых были бы уместны всевозможные библиографические и текстологические "излишества"; исаковские издания были рассчитаны на рядового интеллигентного читателя, а принципы "библиографизма" требовали строго научного подхода. Таким образом, создавалось противоречие между исполнителем и потребителем, несоответствие издания его читательскому адресу, при котором даже достоинства редакции легко превращались в недостатки. Вполне понятными поэтому становятся отрицательные отзывы прессы на все три издания Пушкина как геннадиевские, так и ефремовские.

Издание сочинений Пушкина в то время являлось делом чрезвычайно трудным и сложным, прежде всего, потому что рукописи поэта, хранившиеся в его семье, были недоступны большинству исследователей. Первое посмертное собрание сочинений Пушкина, вышедшее под редакцией В.А.Жуковского, даже по тем временам считалось неудовлетворительным. Второе, осуществленное Анненковым в 1855-1857 гг., было гораздо совершеннее. У Анненкова имелось громадное преимущество перед последующими издателями Пушкина: ему удалось получить доступ к подлинным рукописям поэта. Однако даже в момент своего появления анненковское издание в научном отношении было несовершенным. Ко времени же выхода последнего, дополнительного тома оно уже совсем не отвечало требованиям бурно развивавшейся новой "библиографической" науки - текстологии. "Эдиционно-текстологическая деятельность, - пишет извест-

ный историк текстологии А.Л.Гришунин, - становится в это время на научную основу, осознается как дело ответственное и важное. В задачу библиографа вменялось не только путем библиографического описания сделать книгу известной, но и определить качество издания, сличая тексты различных изданий, указывая источники, приводя варианты и т.п. Основными задачами текстологических разысканий этого времени стали достижение абсолютной полноты в собраниях сочинений и хронологический принцип в расположении произведений, так как для уяснения духа и смысла эпохи недостаточно было знакомства только с главными произведениями писателя, для этого нужен был он весь, в его последовательном развитии. В связи с этим пробуждается интерес к проблемам атрибуции и датировки"³⁰.

С обоснованием этих принципов выступил на страницах "Современника" (1856) в предисловии к своим "Библиографическим запискам" Лонгинов. Он писал о насущной потребности времени "выводить общие заключения о духе писателя, отношениях его к веку и взаимном воздействии века и писателя друг на друга", в связи с чем "знакомство со всем, что написано известным лицом, сделалось совершенно необходимо". Многочисленные публикации и разыскания библиографов того времени и ставили перед собой эту цель: собрать все, все "мелочи", без которых уже невозможным представлялось не только изучение историко-литературного процесса, но и полноценное издание сочинений писателя. "Руководящей идеей библиографического периода, - пишет Гришунин, - было сознание того, что критической оценке творчества писателя и его общелитературоведческой интерпретации должно предшествовать исправное и полное издание его сочинений... Библиографический период в истории русской текстологии, в значительной мере "собираательный", обеспечил будущее развитие текстологической практики и подготовил появление во второй половине XIX века основательно построенных научных изданий"³¹.

Требования новой школы, при всех промахах ее адептов, были куда ближе к научным приемам редакции, чем установки эстетиков.

³⁰ Основы текстологии / Под ред. В.С.Нечаевой. М., 1962. С.32.

³¹ Там же. С.35.

А.Д.Галахов, П.А.Вяземский, тот же П.В.Анненков ломали перья в борьбе с "библиографами". Даже современные авторы, которым очень нравится Анненков (титул "первого пушкиниста", совершенно им не заслуженный, не сходит со страниц популярной печати), считают его издание образцовым, а работы позднейших редакторов-библиографов несравненно худшими. Но послушаем настоящего специалиста: "... когда в 1880 г. редактировать Пушкина взялся такой знаток своего дела, как П.А.Ефремов, бесчисленные промахи, недосмотры и опущения Анненкова вступили наружу очень ярко. Эти опущения стали еще рельефнее, когда в 1882 г. в Румянцевский музей поступили те самые рукописи, которыми когда-то пользовался Анненков, и когда они были тщательно обследованы талантливым молодым ученым - Вяч.Евг.Якушкиным"³². Неопубликованными остались и письма В.Е.Якушкина к отцу именно по поводу работы над рукописями великого поэта (ЦГАОР), а они могли бы пролить новый свет на судьбы изданий его сочинений. Конечно, и издания Ефремова (а он редактировал сочинения Пушкина 5 раз, не считая отдельных изданий - "Евгения Онегина", "Бахчисарайского фонтана" и др.), не говоря уже о Геннади, были весьма несвободны от промахов и ошибок, но будущее было за ними, а не за эстетиками, позволявшими себе отбирать произведения великого поэта "по качеству" (об этом заявлял сам Анненков, и это хорошо известно пушкинистам).

Возможно также, что если бы первым по принципам библиографической школы редактировал сочинения поэта Ефремов, дело обстояло бы несколько иначе: у Геннади, при всей его ревности и любви к Пушкину, не было соответствующих редакторских знаний и умений.

Выбор Я.А.Исаковым Геннади в качестве редактора объяснялся, вероятно, тем, что тот был известен, как знаток пушкинских текстов, как автор двух превосходных указателей о Пушкине (что дало ему возможность снабдить исаковское издание богатыми библиографическими приложениями, которым был посвящен целый том). Действовали тут, надо полагать, и причины коммерческого порядка: Геннади был богат, в заработке не нуждался и получил от издателя ничтожно малую сумму за свою редакторскую работу. Однако выбор этот был явно неудач-

³² Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. I. С. 603.

ным: опыта редакторской работы у Геннади не было вовсе, править корректуру, по его собственному признанию, он не умел и не любил. Кроме того, живя подолгу в деревне или за границей, он не мог уделять изданию достаточно времени и внимания. В результате издание вышло с массой типографских погрешностей, пропусков и ошибок (что было, впрочем, в то время вполне обычным явлением). Биограф Геннади У.Г.Иваск опубликовал письмо к нему книгопродавца Н.Г.Мартынова, служившего в 1860-х гг. у Исакова и являвшегося посредником между издателем и Геннади. Так как книга Иваска стала уже библиографической редкостью, мы позволим себе привести это письмо целиком:

"Когда Яков Алексеевич Исаков приобрел литературное право на издание сочинений Пушкина и поручил редакцию этого издания Григорию Николаевичу Геннади, то мне, как помощнику заведывающего изданиями, приходилось очень часто иметь сношения с Григорием Николаевичем. При начале издания сочинений Пушкина мне потребовалось, по делам магазина, поехать в Москву. Будучи в Москве, я, по совету Геннади, посетил С.А.Соболевского и П.И.Бартенева, чтобы просить их указать какие-либо источники и дополнения к новому изданию Пушкина. Оба очень радушно меня приняли, были довольны таким приглашением и, хотя ничего не дали пока, просили присылать корректуры, обещав делать дополнения, а также сообщать сведения о Пушкине, по мере печатания произведений последнего.

Когда я возвратился в Петербург, то, с согласия Геннади, начал посылать корректуры тому и другому, но затем наступило разочарование. После третьего листа оба от своего обещания отказались, не желая вмешиваться, по их отзыву, в неряшливую редакцию Г.Н.Геннади.

Геннади сделал большую ошибку, что так опрометчиво взялся за редактирование сочинений Пушкина. Его работа была случайная, утывками. Живя вне Петербурга, он и не мог пользоваться в достаточной степени всем необходимым материалом.

Григорий Николаевич был человек сердечный, совершенно бескорыстный. Я уверен, что он взялся за редакцию сочинений Пушкина не корысти ради, а из любви к библиографии. Он хотел испробовать свои силы и, конечно, не лишен был и честолюбивого увлечения: ведь каждому библиографу приятно связать свое имя редактора с таким великим именем, как А.С.Пушкин. Могу еще поведать, что с Исакова он получил гонорара за всю работу, т.е. за редакцию и редактирование

шести томов и приложения к ним (около 200 печатных листов) всего 300 рублей. Позднее, в 1880 году, за редакцию третьего исаковского издания сочинений Пушкина, П.А.Ефремову было уплачено 2400 рублей³³.

Это письмо Мартынова к Иваску написано в 1911 г., спустя столетия после изложенных в нем событий. Вряд ли в нем все соответствует истине (в частности, отношение Геннади к этой работе, судя по его письмам и выступлениям в печати, было гораздо серьезнее, чем представляет Мартынов), но что несомненно интересно — это отношение Соболевского и Бартенева к изданию сочинений Пушкина. Оба они — страстные пушкинисты и прославленные знатоки пушкинских текстов — "умыли руки", убоявшись вмешательства в работу Геннади. И это вполне понятно, если вспомнить, что Геннади в этом издании впервые применил ставший затем надолго узаконенным метод внесения вариантов и черновиков прямо в текст. Именно это, а не неряшливая корректура, испугало Соболевского и Бартенева. Именно это и ставилось Геннади в вину современной критикой. И действительно, в своем стремлении к абсолютной полноте, в желании сохранить каждое слово, вышедшее из-под пера любимого поэта, Геннади не знал никакой меры. Если в свое время Жуковский, редактируя Пушкина, позволял себе исправлять и приглаживать стихи мятежного поэта, то библиографы 1850-70-х гг. с благоговением относились даже к строчкам, забракованным самим Пушкиным. Ни теория, ни практика текстологической работы не могли еще подсказать правильного решения в данном случае, а основы композиции "академических" изданий еще не были разработаны. Геннади действовал на свой страх и риск, по своему разумению. Хороший пушкинист, он оказался плохим редактором, потому что не принял во внимание популярный характер исаковского издания, рассчитанного на читателя, которому не было дела до черновиков и вариантов. Эпиграмма Соболевского "О жертва бедная двух адовых исчадий..." и фельетон "Свистка" "Г-н Геннади, исправляющий Пушкина" — вот два современных "отклика", которые обычно цитируют для посрамления Геннади-редактора. Первая из них не может, разумеется, играть никакой серьезной роли. Соболевский писал эпиграммы на всех своих

³³ Иваск У.Г. Григорий Николаевич Геннади: (Обзор жизни и трудов), 1913. С.34.

друзей и приятелей, и принимать их во внимание не приходится. Несколькo больший интерес представляет фельетон "Свистка", отразивший отношение к редакторской работе Геннади журналистских кругов. Этот фельетон зло высмеивает Геннади как раз за принятый им способ печатания вариантов прямо в тексте. Поэтому он представляет интерес не только как отклик на работу Геннади, но и как отношение литераторов к методам "библиографизма" вообще³⁴. В какой-то мере этот фельетон выразил и мнение рядовых читателей, во всяком случае, он на это претендовал: недаром он написан от лица "человека неученого", который не может понять, что это за наука такая библиография и для чего она вмешивается в такое простое дело, как издание сочинений Пушкина.

Этот фельетон в какой-то мере отразил отношение революционно-демократической критики к принципам библиографической школы³⁵. Несколькo позже, когда начало выходить в свет издание Державина под редакцией Я.К.Грота (издание, снабженное огромным количеством комментариев, превосходным справочно-библиографическим аппаратом, обширным критико-биографическим очерком и т.п.), — "Современник" обрушился на него еще гораздо резче, чем на Геннади. В отзыве на первый том данного издания (Современник. 1864. № I) Грот получил выговор не только за отрыв от "живого мира", выразившийся в выборе такого, по мнению автора отзыва, никому не интересного поэта, как Державин, но и за "опеку" над читателем, которому предлагались в изобилии комментарии, черновики и варианты. "Резкие отзывы об этом издании, — пишет А.Л.Гришунин, — были в известной мере ответом революционной демократии на политический консерватизм Грота... Понятно, что критика издания, вызванная изложенными причинами, не могла

³⁴ Вышедшее двадцатью годами спустя издание сочинений Пушкина под редакцией Ефремова вызвало примерно такие же отклики. Так, Салтыков-Щедрин даже текстуально повторил фельетон из "Свистка", используя мотив "чернильных пятен", якобы любовно сохранявшихся библиографами, редактировавшими сочинения Пушкина. Таким образом, эти материалы выходят за рамки только неприятия личной работы Геннади или Ефремова и приобретают принципиальное значение.

³⁵ Подробно об этом см.: Равич Л.М. М.Л.Михайлов и его место в истории русской библиографии 50-60-х годов XIX в. // Сов. библиогр. 1969. № 2. С.50-67.

быть вполне беспристрастной"³⁶. Ценное признание. Однако, думается, что не следовало приписывать вульгаризатору Антоновичу роль рупора революционной демократии. Он столь далеко отошел от идей Н.Г.Чернышевского, а сам "Современник" уже так не похож на журнал начала 1860-х гг., что, как нам кажется, нельзя смешивать эти два явления, называя все, что было напечатано в "Современнике" после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, голосом революционно-демократической критики. Если автор фельетона в "Свистке" 1860 г. все-таки имел основания посмеяться над Геннадии, то автор рецензии на гротовское издание таких оснований не имел. Но так уже закономерно получается, что эпигоны доводят до крайности как раз ошибки своих учителей, не умея отделить их от правильных мыслей последних. История с Гротом достаточно характерна: не будучи в состоянии понять назревшую необходимость в академических изданиях классиков русской литературы, но помня, что над "излишествами" библиографического направления принято было смеяться, Антонович опубликовал рецензию, которая отнюдь не служила к чести "Современника". И дело тут не столько даже в недостаточной "беспристрастности", а в неумении перестроиться перед лицом новых требований науки и новых действительно существенных достижений библиографической школы.

Чрезвычайно показательно, что второе исаковское издание Пушкина, вышедшее также под редакцией Геннадии (1869-1871 гг.), вызвало критику совсем иного рода. Время шло, требования изменились, и теперь уже редактора критиковали не за излишества, а за неполноту издания. Особенно суровым оказался рецензент "Вестника Европы", и Геннадии счел нужным оправдаться перед ним на страницах этого же журнала. "Для пополнения этого (первого) тома, — пишет Геннадии, — я воспользовался всеми указаниями и пьесами, появившимися в периодических изданиях после I-го издания. Все вставки и выпущенные места, указанные в вашей рецензии, находились в приготовленном мною для печати первом томе... но они были зачеркнуты частью издателем, частью цензором, которому были представлены. Этой участи были подвергнуты даже некоторые места и пьесы уже прежде дважды напечатанные в русских издани-

³⁶ Основы текстологии... С.43.

ях. Из таких пьес, появившихся и в лейпцигском дополнении к изданию г.Исакова, пропущены были цензурой только пьесы: "К Лукуллу" и "Ах, тетушка, ах Анна Львовна" и несколько эпиграмм. Приготовив к печати текст, подвергнутый после предварительной цензуры, и переделав свои замечания, я передал их издателю: вот в чем состояла моя редакция"³⁷. Редактор "Вестника Европы" снабдил заметку Геннадии примечанием: "Мы имели случай убедиться лично в полной справедливости этих слов, так как автор при настоящем письме представил в редакцию и экземпляр, служивший типографии оригиналом для набора первого тома" (Там же). Таким образом, обвинение в нерадивости было с Геннадии снято. Обращает на себя внимание тот факт, что Геннадии пытался включить во второе исаковское издание стихи, запрещенные ранее цензурой и опубликованные в лейпцигском издании (которое для конспирации именовалось "дополнением" к первому исаковскому изданию). Естественно, что цензура не пропустила из них почти ничего. Характерно и то, что литературная общественность, которой лейпцигское издание было хорошо известно, требовала от редактора включения опубликованных в нем произведений поэта. К чести Геннадии следует отметить, что он и пытался это сделать. Однако "потаянный" Пушкин еще долгое время не мог проникнуть на страницы подцензурных изданий.

В 1880 г. вышло в свет третье исаковское издание сочинений Пушкина под редакцией Ефремова, тогда уже известного историка литературы и библиографа, издателя Новикова и Радицева, знатока пушкинских текстов. Ефремов, в отличие от Геннадии, считается представителем прогрессивной библиографии и историко-литературной науки; его труды, как правило, получают положительную оценку в работах современных исследователей. Уже давно твердо установлено, что Ефремов был корреспондентом герценовских изданий и что, в частности, через него шли в Лондон и некоторые запрещенные цензурой пушкинские материалы. Таким образом, и установки его как редактора сочинений Пушкина не могут вызвать никаких идеологических "опасений", — они ясны. Сложнее обстоит дело с оценкой самой редакторской работы. Смущает же исследователей то обстоятельство, что прогрессивно настроенный Ефремов позаимствовал методику у высмеянного "Современником"

³⁷ Вестн. Европы. 1871. Т.3. С.918.

Геннади. "Следующий после Анненкова редактор сочинений Пушкина Г.Н.Геннади, — пишет Н.В.Измайлов, — стремясь во что бы то ни стало внести в редактированное им издание новые, неизвестные читателям тексты, но не обладав ни тактом, ни пониманием Анненкова, ввел опубликованные Гротом и Анненковым черновые, зачеркнутые строфы в основной текст, нимало не смущаясь подобной контаминацией и только выделяя их кавычками. И этот тогда же язвительно высмеянный на страницах "Свистка" редакторский произвол не только сохранился в следующем издании Геннади, но был продолжен другими редакторами, в особенности П.А.Ефремовым, считавшим главным достоинством подготовленных им изданий обилие отрывков, извлеченных из рукописей... вставленных в опубликованные при жизни Пушкина основные тексты... Даже издание С.А.Венгерова (1907-1915) не избежало подобных грубых ошибок..."³⁸

Итак, метод Геннади надолго закрепился в издании пушкинских текстов. Ефремов оказывается даже "усугубил" промахи Геннади. Кроме того, комментарии к произведениям Пушкина, которыми изобиловало издание Ефремова, при всей своей значительности, имели порою несколько нескромный характер, бросавший тень на деятельность прежних редакторов сочинений поэта, в том числе и Анненкова. Сильно задетый, тот выступил на страницах "Вестника Европы" с очень резкой статьей, в которой назвал библиографические изыскания Ефремова "бойкой литературной рекламой". "Он, — пишет Анненков об Ефремове, — умеет высказывать длинные замечания тоном водевилиста и может быть по справедливости назван творцом нового рода увеселительной библиографии (...). Издание г.Исакова имеет и весьма поучительную сторону: оно может считаться своего рода знаменем времени в том смысле, что вполне обнаруживает сущность направления, принятого одной и довольно значительною частью наших деятелей на почве исторической и биографической литературы. Это цветок, выросший в школе тех археологов и изыскателей, которые, освободив себя от труда мышления, заменили его трудом простого собирания документов, сличения разностей между текстами, перечета отметок, какие существуют на различных актах, и тому подобными предварительными работами,

³⁸ Пушкин: Итоги и пробл. ... С.562-563.

считая их за самую науку исторических и литературных исследований и устраняя, как излишество, критику и оценку приобретенных фактов по существу"³⁹.

Эта рецензия имеет чрезвычайно важное значение для уяснения отношения к "библиографизму" (не только к его излишествам, но и к самому направлению в целом) со стороны "эстетической" критики. Нет нужды доказывать, что обвинения Анненкова явно преувеличены. Более того, — они неисторичны. В 1880-х гг. уже вполне выяснилось несомненное значение именно собирания и изучения строго фактического материала, первичность его по отношению к выводам и умозаключениям критиков и историков литературы. Тем не менее Анненков, стоявший в это время уже на явно консервативных позициях, повторяет в адрес "библиографов" обвинения, предъявлявшиеся им за двадцать лет до того революционно-демократической критикой! Если насмешки Добролюбова еще имели некоторый резон в конце 1850-х гг., то претензии Анненкова в 1880 г. воспринимались уже как анахронизм. Пусть даже издание Ефремова повторило ошибки Геннади; пусть оно продемонстрировало неумеренное увлечение "мелочами" пушкиноведческого толка, — все-таки за ним, а не за Анненковым, было будущее. Кстати, это понимали и многие современники. Редакция "Вестника Европы", поместившего рецензию Анненкова, поспешила отмежеваться от него в особом примечании. "Справедливо, что наша история и биография новейшего времени страдает указанными недостатками, — сказано в "Оговорке" от редакции, — но не должно забыть и значительных услуг, оказанных им новыми археографами и библиографами. Не всегда они так мелочны. Напротив, они именно вывели на свет много фактов, совсем неизвестных прежним исследователям; они сделали много для предварительной очистки текста писателей, собрали массу важных для литературной биографии и т.п."⁴⁰. Справедливость этого очевидна. Ефремов занимал почетное место среди собирателей, публикаторов и текстологов второй половины века. Ошибка его, как редактора сочинений Пушкина, заключалась в выборе метода публикации. Если бы богатейший собранный им и другими библиографами дополнительный материал был вынесен

³⁹ Вестн. Европы. 1881. Кн.2. С.901, 915.

⁴⁰ Там же. С.916-917.

в отдельные приложения или примечания, — его издание могло бы считаться самым богатым за весь XIX век. Критике, таким образом, подлежит лишь композиция, но не содержание исаковских изданий Пушкина

Столкновение Анненкова с Ефремовым вылилось в широкую газетно-журнальную полемику, в которой принял участие и Салтыков-Щедрин, причем не на стороне Ефремова, а на стороне Анненкова, в статьях которого он сам высмеивал "сошествие святого духа". Думается, что здесь действовала в основном сила инерции: над "библиографами" принято было смеяться. Это была последняя битва библиографов с их противниками. Уже в 1890-е гг. трудами Л.Н.Майкова и В.И.Саитова в русском литературоведении складывается "историко-фактическая" школа, одной из основных методологических посылок которой было как раз признание решающего значения для истории литературы библиографических разысканий и публикации текстов. Эта школа впитала в себя достижения и методологию "библиографизма" 1850-70-х гг.

Вклад библиографов в пушкинскую текстологию и библиографию по справедливости можно расценить как чрезвычайно значительный. В сущности именно ими и заложены основы научного изучения и комментирования пушкинских текстов; что же касается собранных ими материалов то они широко использовались как дореволюционными, так и советскими пушкинистами. Этот богатый резерв до сих пор еще полностью не исчерпан. Разыскания в личных архивах русских библиографов обещают пушкиноведению немало новых находок и открытий⁴¹.

⁴¹ Укажу лишь на реакцию пушкинистов, которую вызвали публикации В.В.Крамер, особенно ее статья "Пушкин в дневнике Полторацкого". Известный пушкинист В.Э.Вацуро специально пришел на защиту ее диссертации, чтобы отметить значение находок историка библиографии для пушкиноведения. Не менее важные материалы кроются в архиве Якушкиных (Москва, ЦГАОР) и в рассыпанном по многим архивохранилищам бумагам П.А.Ефремова, в особенности в его ленинградской части (РО ИРЛИ). До всего этого пушкинисты, как правило, еще не добрались (за исключением разве Н.Я.Эйдельмана).